

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1873 г.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Больш. Садов., № 49—2.

1873.

О ПЕРВОМЪ ИЗДАНИИ ПОСМЕРТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ

Воспоминанія кн. Д. Оболенскаго.

1855 г.

Авторъ вариантовъ „Мертвыхъ Душъ“ отыскался. Г. Ястржембскій многократно печатно заявилъ, что не ожидалъ отъ своей литературной шалости такихъ серьезныхъ послѣдствій; что читающая публика введена въ заблужденіе помимо его воли и желанія, и что, наконецъ, опубликованные варианты всецѣло принадлежать перу его — г. Ястржембскаго. Нѣкоторые, однако, продолжаютъ, относиться къ этому заявленію съ недовѣріемъ и, повидимому, остаются въ убѣжденіи, что варианты эти писаны Гоголемъ. Признаюсь, меня мало интересуетъ знать, самъ-ли г. Ястржембскій сочинилъ эти варианты или кто другой; для меня несомнѣнно только, что всѣ, сколько-нибудь знавшіе лично покойнаго Гоголя и знакомые съ исторіей изданія его посмертныхъ сочиненій, согласятся со мной въ томъ, что опубликованные въ „Русской Старинѣ“ (въ январѣ 1872 г.) варианты „Мертвыхъ Душъ“ писаны не Гоголемъ.

Не касаясь здѣсь содержанія этихъ вариантовъ и слога ихъ,носящихъ явные признаки неудачной поддѣлки подъ манеру Гоголя,—материально невозможно, чтобы въ чьихъ-либо рукахъ могла находиться рукопись II-й части „Мертвыхъ Душъ“, несогласная съ тѣми вариантами, которые изданы были въ 1855 году Трушковскимъ, а въ послѣдствіи г. Кулишомъ.

Судьба привела меня быть однимъ изъ участниковъ въ хлопотахъ и заботахъ объ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя. Смѣю думать, что правдивый рассказъ о ходѣ всего этого дѣла не лишень интереса и можетъ послужить къ разъясненію возникшихъ недоумѣній.

По необходимости, я долженъ начать рассказъ свой съ свиданія моего съ Гоголемъ въ 1849 году.

I.

Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1849 года, проѣздомъ черезъ Калугу въ имѣніе отца моего, я засталъ Гоголя, гостившаго у А. О. Смирновой, и общалъ ему, на обратномъ пути, захватъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Москву. Пробывъ въ деревнѣ недолго, я, въ условленный день, прибылъ въ Калугу и провелъ съ Гоголемъ весь вечеръ у А. О. Смирновой, а послѣ полуночи мы рѣшили выѣхать.

Съ Гоголемъ я познакомился еще въ 1848 году лѣтомъ въ Москвѣ и мы видались часто. Родственныя мои отношенія къ графу А. П. Толстому, у котораго Николай Васильевичъ въ то время жилъ въ Москвѣ, и дружба моя съ кругомъ людей, которыхъ Гоголь, по справедливости, считалъ самыми близкими своими друзьями, расположили его въ мою пользу и онъ не разъ выказывалъ мнѣ знаки своего дружескаго вниманія. Отъ того-ли, что неожиданно представилась ему пріятная оказія выѣхать въ Москву, куда торопился, или отъ другой причины, только помню, что весь вечеръ Гоголь былъ въ отличномъ расположеніи духа и сохранилъ его во всю дорогу. Живо справилъ онъ свой чемоданчикъ, заключавшій все его достояніе, — но главная забота его заключалась въ томъ: какъ бы уложить свой портфель такъ, чтобы онъ постоянно оставался на видномъ мѣстѣ. Рѣшено было поставить портфель въ каретѣ къ намъ въ ноги, и Гоголь тогда только успокоился за цѣлость его, когда мы усѣлись въ дормезъ и онъ увидѣлъ, что портфель занимаетъ приличное и безопасное мѣсто, не причиняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ никакого безпокойства.

Портфель этотъ заключалъ въ себѣ только еще вчернѣ оконченный второй томъ „Мертвыхъ Душъ“¹⁾.

Читатели моего поколѣнія легко могутъ себѣ представить, съ какимъ чувствомъ возбужденнаго любопытства смотрѣлъ я во всю дорогу на этотъ портфель.

Цѣмъ былъ для молодыхъ людей нашего поколѣнія Гоголь — о томъ съ трудомъ могутъ судить люди новѣйшаго времени²⁾.

¹⁾ Первая глава была, кажется, совершенно уже отдѣлана, потому что онъ читалъ ее за нѣсколько дней до нашего выѣзда изъ Калуги у А. О. Смирновой. Помню, что А. О. Смирнова была въ восхищеніи отъ этой главы и говорила, что влюблена въ Тентетниковъ. По возвращеніи въ Москву, Гоголь писалъ ей и кончилъ письмо словами: «кланяется вамъ Тентетниковъ!» Кн. Д. О.

²⁾ Нѣкоторыя позднѣйшаго времени статьи о Гоголѣ могутъ служить доказательствомъ, какая бездна отдѣляетъ пониманіе Гоголя новѣйшими критиками отъ того непосредственнаго, живаго и могучаго вліянія, которое Гоголь дѣйстви-

Я принадлежалъ къ числу тѣхъ поклонниковъ таланта Гоголя, которые и послѣ изданія его „Переписки съ друзьями“ не усомнились въ могучей силѣ его дарованія.

Изъ разсказовъ графа А. П. Толстаго, которому Гоголь читалъ еще вчернѣ отрывки изъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, я уже нѣсколько зналъ, какой серьезный оборотъ должна принять поэма въ окончателѣнномъ своемъ развитіи. Письма самого Гоголя о „Мертвыхъ Душахъ“ готовили также публику къ чему-то неожиданному. Все это усиливало мое любопытство и я, пользуясь хорошимъ расположеніемъ духа Гоголя и скверной дорогой, мѣшавшей намъ скоро уснуть, заводилъ на разные лады разговоръ о лежащей въ ногахъ нашихъ рукописи. Но узналъ не многое. — Гоголь отклонялъ разговоръ, объясняя, что много еще ему предстоитъ труда, но что черная работа готова и что, къ концу года, надѣется кончить, ежели силы ему не измѣнятся. Я выразилъ ему опасеніе, что цензура будетъ къ нему строга, но онъ не раздѣлялъ моего опасенія, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни съ книгопродавцами, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе, прежде выпуска 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, сдѣлать новое изданіе своихъ сочиненій.

Къ утру мы остановились на станціи чай пить. Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою, — это дѣлалъ онъ всякій разъ, какъ мы останавливались. Веселое расположеніе духа не оставляло Гоголя. На станціи я нашелъ штрафную книгу и прочелъ въ ней довольно смѣшную жалобу какого-то господина. Выслушавъ ее, Гоголь спросилъ меня:

— „А какъ вы думаете, кто этотъ господинъ? Какихъ свойствъ и характера человѣкъ?“

— Право не знаю, отвѣчалъ я.

— „А вотъ я вамъ разскажу“. И тутъ же началъ самымъ смѣшнымъ и оригинальнымъ образомъ описывать мнѣ сперва наружность этого господина, потомъ разсказалъ мнѣ всю его служебную карьеру, представляя даже въ лицахъ нѣкоторые эпизоды его жизни. Помню,

тѣльно имѣлъ на нравственное развитіе современной ему молодежи. Здѣсь не мѣсто протестовать противъ странной оцѣнки социальныхъ и политическихъ убѣжденій Гоголя; здѣсь не мѣсто разбирать, кто изъ современныхъ писателей глубже и шире относится къ жизненнымъ вопросамъ общества. Скажу только, что поколѣніе, выработавшее и осуществившее всѣ реформы послѣдняго десятилѣтія, воспитано Пушкинымъ и Гоголемъ и приготовлено ихъ нравственнымъ влияніемъ къ дѣятельности и плодотворному труду, хотя ни Пушкинъ, ни Гоголь не написали ни одного трактата о какой-либо реформѣ и не переносили на русскую почву социальнаго бреда иноземныхъ мыслителей.

Кн. Д. О.

что я хохоталъ, какъ сумасшедшій, а онъ все это выдѣлывалъ совершенно серьезно. За симъ онъ разсказалъ мнѣ, что какъ-то одно время они жили вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ (поэтомъ) и вечеромъ, ложась спать, забавлялись описаніемъ разныхъ характеровъ и за симъ придумывали для каждаго характера соотвѣтственную фамилію. „Это выходило очень смѣшно“, замѣтилъ Гоголь, и при этомъ описалъ мнѣ одинъ характеръ, которому совершенно неожиданно далъ такую фамилію, которую печатно назвать не прилично — „и былъ онъ родомъ изъ грекъ!“ — такъ кончилъ Гоголь свой разсказъ.

Утромъ, во время пути, при всякой остановкѣ выходилъ Гоголь на дорогу и рвалъ цвѣты, и ежели притомъ находились мужикъ или баба, то всегда спрашивалъ названіе цвѣтовъ; онъ увѣрялъ меня, что одинъ и тотъ же цвѣтокъ въ разныхъ мѣстностяхъ имѣетъ разные названія, и что, собирая эти разные названія, онъ выучилъ много новыхъ словъ, которыя у него пойдутъ въ дѣло.

За нѣсколько станцій до Москвы, я рѣшился сказать Гоголю:

— Однако, знаете, Николай Васильевичъ, вѣдь это безчеловѣчно, что вы со мной дѣлаете. Я всю ночь не спалъ, глядя на этотъ портфель. Неужели онъ такъ и останется для меня закрытымъ?

Гоголь съ улыбкой посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— „Еще теперь нечего читать; когда придетъ время, я вамъ скажу“.

Мы разстались съ Гоголемъ въ Москвѣ. Я отправился въ Петербургъ и отъ друзей Гоголя часто получалъ извѣстія, что Гоголь усердно работалъ. Зимѣ 1851 года Гоголь провелъ въ Одессѣ, откуда вернулся въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Москву и привезъ съ собою уже совершенно оконченный 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ“.

Осенью 1851 года, будучи проездомъ въ Москвѣ, я, посѣтивъ Гоголя, засталъ его въ хорошемъ расположеніи духа и на вопросъ мой о томъ, какъ идутъ „Мертвыя Души“, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— „Приходите завтра вечеромъ, въ 8 часовъ, я вамъ прочитаю“.

На другой день, разумѣется, ровно въ 8 часовъ вечера я былъ уже у Гоголя; у него засталъ я А. О. Россета, котораго онъ тоже позвалъ. Явился на сцену знакомый мнѣ портфель; изъ него вытащилъ Гоголь одну довольно толстую тетрадь, усѣлся около стола и началъ тихимъ и плавнымъ голосомъ чтеніе первой главы.

Гоголь мастерски читалъ: не только всякое слово у него выходило внятно, но, перемѣняя часто интонацію рѣчи, онъ разнообразилъ ее и заставлялъ слушателя усвоивать самые мелочные отбѣнки мысли. Помню, какъ онъ началъ глухимъ и какимъ-то гробовымъ голосомъ: „Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство

нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-же дѣлать если уже таковыя свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ онъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши и отдаленныхъ закоулковъ государства. И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ". Послѣ этихъ словъ внезапно Гоголь приподнялъ голову, встряхнулъ волосы и продолжалъ уже громкимъ и торжественнымъ голосомъ: „Зато какая глушь и какой закоулокъ!“

За симъ началось великолѣпное описаніе деревни Тентетникова, которое, въ чтеніи Гоголя, выходило какъ-будто писано въ извѣстномъ размѣрѣ. Всѣ описанія природы, которыми изобилуетъ первая глава, отдѣланы были особенно тщательно. Меня въ высшей степени поразила необыкновенная гармонія рѣчи. Тутъ я увидѣлъ, какъ прекрасно воспользовался Гоголь тѣми мѣстными названіями разныхъ травъ и цвѣтовъ, которыя онъ такъ тщательно собиралъ. Онъ иногда, видимо, вставлялъ какое-нибудь звучное слово единственно для гармоническаго эффекта.

Хотя въ напечатанной первой главѣ всѣ описательныя мѣста прелестны, но я склоненъ думать, что въ окончательной редакціи они были еще тщательнѣе отдѣланы.

Разговоры выведенныхъ лицъ Гоголь читалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Когда, изображая равнодушное, облѣнившееся состояніе байбака-Тентетникова, сидящаго у окна съ холодной чашкой чая, онъ сталъ читать сцену происходящей на дворѣ перебранки небритаго буфетчика Григорья съ влѣчницей Перфильевной, то казалось, какъ бы дѣйствительно сцена эта происходила за окномъ и оттуда доходили до насъ неясныя звуки этой перебранки.

Графъ А. П. Толстой сказывалъ мнѣ, что ему не разъ приходилось слышать, какъ Гоголь писалъ свои „Мертвыя Души“: проходя мимо дверей, ведущихъ въ его комнату, онъ не разъ слышалъ, какъ Гоголь одинъ, въ запертой горницѣ, будто бы съ кѣмъ-то разговаривалъ, иногда самымъ неестественнымъ голосомъ. Въ черновыхъ рукописяхъ видны слѣды этой работы. Каждый разговоръ передѣлывался Гоголемъ по нѣскольку разъ. За то какъ живо, вѣрно и естественно говорятъ всѣ его дѣйствующія лица ¹⁾.

¹⁾ Неужели этой одной примѣты не достаточно, чтобы признать напечатанные варианты поддѣльными? Неужели могъ Гоголь, хотя бы начерно, написать такую фальшь, какъ, напримѣръ, разговоръ крестьянъ Тентетникова и сужденіе ихъ о баринѣ:

Разсказъ о воспитаніи Тентетникова, сколько мнѣ помнится, читанъ былъ Гоголемъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ первомъ изданіи 1855 года. Причина же выхода въ отставку Тентетникова, была гораздо болѣе развита, чѣмъ въ тѣхъ вариантахъ, которые до насъ дошли. Но ничего подобнаго на глупые анекдоты о директорской шинели и галошахъ и о Сидорѣ Андреевичѣ, вставленныхъ въ варианты, изданные въ 1872 г., не было и быть не могло; ибо причина выхода въ отставку Тентетникова имѣла весьма глубокое нравственное основаніе.

Помню, что это мѣсто въ чтеніи Гоголя особенно меня поразило по тонкости его психическаго анализа борьбы, происходящей въ благородной душѣ молодаго человѣка, съ возвышенными чувствами и безкорыстными желаніями добра и пользы поступающаго на службу. Такимъ былъ Тентетниковъ, — не нужно забывать, что подъ вліяніемъ чуднаго наставника развилось пылкое сердце мальчика и пробуждены были въ немъ всѣ честные, благородные порывы и стремленія; но Тентетниковъ лишился своего наставника, когда „еще не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, не испытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что растопившійся, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки“. Поэтому, еще въ школѣ, когда

— «А что, дядя Пахомъ, баринъ-то говорить красно?»

— «Ну, извѣстно, что красно, вѣдь ихъ только тому и учать».

— «А что, бишь, онъ говорилъ, — я стоялъ подалеже и не слышалъ?»

— «Ну, а Богъ его вѣдаетъ, что онъ баялъ. Что-то похоже на то, какъ отецъ Аванасій въ церкви баеть. Вѣстимо книжки эти не по намъ».

Бабы тоже разсуждали:

— «Ишь какой онъ добренькій — и въ ноги-то кланяться не даетъ. А ужъ молодецъ какой! И все говоритъ: полюбите меня, полюбите, да и поглядываетъ на дѣвокъ. Ишь ты какой, весь въ покойника отца». («Русская Старина» 1872 г., январь, стр. 95).

Неужели могъ Гоголь, вмѣсто великолѣпнаго описанія вѣзда Тентетникова въ деревню, написать такую безграмотную, сантиментальную ерунду, какъ наприимѣръ:

«И видя въ заблужденіи у него сердце. И ему живо представились всѣ подробности его счастливаго дѣтства, и онъ увидѣлъ себя малюткой, котораго велъ за руку отецъ, гуляя по полямъ; и онъ увидѣлъ мать, выходящую на встрѣчу отцу, возвращающемуся съ усталымъ малюткой, и онъ почувствовалъ себя на рукахъ матери, которая прижимала его къ сердцу и спрашивала съ нѣжностью, не слишкомъ-ли онъ усталъ и, т. д. («Русск. Стар.» 1872 г., январь, стр. 94).

Кн. Д. О.

измѣнился характеръ преподаванія и воспитанія, онъ, благодаря природному уму, чувствовалъ, что не такъ должно преподавать, но какъ — не зналъ, и онъ „повѣсилъ носъ“. Но, по мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: „вѣдь это еще не жизнь, это — только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ“. Тамъ подвиги — и онъ жаждетъ ихъ. Съ такимъ настроеніемъ поступаетъ Тентетниковъ на службу. Съ рвеніемъ принимается за работу. Прежде всего его нѣсколько смущаетъ механизмъ занятій, которому, ему казалось, придадутъ слишкомъ большое значеніе. Но онъ съ этимъ примиряется въ надеждѣ все-таки добратъ до сути дѣла, гдѣ найдетъ пищу своимъ благороднымъ стремленіямъ и гдѣ, можетъ быть, его ожидаютъ подвиги. Онъ принимается за дѣло, какъ бы оно ни казалось въ началѣ мелкимъ. Дѣйствительно, уже въ должности столоначальника, у него въ рукахъ дѣла, направленіе которыхъ уже много отъ него зависитъ. Онъ пишетъ, пишетъ новые законы, пишетъ распоряженія о благоустройствѣ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Пишетъ заочно наказы, разрѣшающіе участь цѣлаго народонаселенія, о дѣйствительныхъ нуждахъ котораго онъ ничего хорошенько не знаетъ. Рѣшаетъ на бумагѣ дѣла людей, живущихъ за 3 т. верстъ. Умъ и совѣсть говорятъ ему, что тутъ есть какая-то фальшь и что изъ всего этого можетъ произойти много вздору, при всемъ желаніи его добра и пользы. Онъ чувствовалъ, что не такъ слѣдовало бы идти дѣламъ, а какъ — не зналъ. И онъ утратилъ вѣру въ службу. Вотъ загадка, почему Тентетниковъ „свыкнулся съ службой: но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ-было въ началѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами“. При такомъ настроеніи, легко могъ Тентетниковъ подчиниться вліанію людей раздраженныхъ и наискиваться на неприятности. При первомъ случаѣ онъ выходитъ въ отставку.

Вотъ тема, которая развита была Гоголемъ съ поразительною живостію, — Тентетниковъ выставленъ былъ лицомъ, въ высшей степени симпатичнымъ. Утративъ вѣру въ свой идеалъ, чувствуя себя безоружнымъ въ борьбѣ съ неразрѣшимыми противорѣчіями, онъ, можетъ быть, по примѣру другихъ, окончательно и примирился бы съ ними, чиновное честолюбіе взяло бы верхъ надъ голосомъ совѣсти, ежели бы не представилось воображенію его другое поприще дѣятельности, еще не испытанное имъ, но заманчивое по обилію средствъ къ практическому приложенію всего запаса добрыхъ и благородныхъ намѣреній, которыми полна была душа его. Онъ поѣхалъ въ деревню.

Чудное описаніе этой деревни въ чтеніи Гоголя выходило такъ прелестно, что когда онъ кончилъ его словами: „Господи, какъ здѣсь просторно!“ то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули отъ восхищенія.

Затѣмъ пріѣздъ Чичикова, разговоръ его съ Тентетниковымъ и весь вонецъ первой главы, сколько мнѣ помнится, Гоголь читалъ совершенно согласно съ текстомъ, изданія 1855 года. Окончивъ чтеніе, Гоголь обратился къ намъ съ вопросомъ:

— „Ну, что вы скажете?“

Будучи подъ впечатлѣніемъ тѣхъ прелестныхъ картинъ и разнообразныхъ описаній природы, которыми изобилуетъ первая глава, я отвѣчалъ, что болѣе всего я пораженъ художественной отдѣлкой этой части, что ни одна пейзажистъ не производилъ на меня подобнаго впечатлѣнія.

— „Я этому радъ“, отвѣчалъ Гоголь и, передавъ намъ рукопись, просилъ, чтобы мы прочли ему въ слухъ нѣкоторыя мѣста.

Не помню, г. Россетъ или я исполнилъ его желаніе и онъ прислушивался къ нашему чтенію, видимо, желая слышать, какъ будутъ передаваться другими тѣ мѣста, которыя особенно рельефно выходили при его мастерскомъ чтеніи.

По окончаніи чтенія, г. Россетъ спросилъ у Гоголя:

— „Что, вы знали такого Александра Петровича (перваго наставника, Тентетникова), или это вашъ идеаль наставника?“

При этомъ вопросѣ Гоголь нѣсколько задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ:

— „Да, я зналъ такого“.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы замѣтить Гоголю, что, дѣйствительно, его Александръ Петровичъ представляется каинимъ-то лицомъ идеальнымъ, отъ того, быть можетъ, что о немъ говорится уже какъ о покойникѣ въ третьемъ лицѣ; но какъ бы то ни было, а онъ, сравнительно съ другими дѣйствующими лицами, какъ-то безжизненъ.

— „Это справедливо“, отвѣчалъ мнѣ Гоголь и, подумавъ немного, прибавилъ: „Но онъ у меня оживетъ потомъ“.

Что разумѣлъ подъ этимъ Гоголь—я не знаю.

Рукопись, по которой читалъ Гоголь, была совершенно на-бѣло имъ самимъ переписана; я не замѣтилъ въ ней поправокъ.

Прощаясь съ нами, Гоголь просилъ насъ никому не говорить, что онъ намъ читалъ и не рассказывать содержанія первой главы.

Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ въ Петербургъ, обѣщавъ Гоголю, въ случаѣ нужды, хлопотать въ цензурномъ комитетѣ, ежели

будутъ какія-либо препятствія къ новому изданію полнаго собранія его сочиненій.

Пришла осень. Отъ общихъ нашихъ друзей узналъ я, что Гоголь хандрить; но никто не беспокоился на счетъ его здоровья. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1852 г., по случаю кончины дяди моего, отправился я въ отпускъ въ Москву. Прибывъ туда 22-го февраля, я пораженъ былъ извѣстіемъ, что наканунѣ скончался Гоголь и что передъ смертію онъ сжегъ вторую часть „Мертвыхъ Душъ“.

Вечеромъ я отправился къ А. П. Толстому. Тѣло покойнаго Гоголя уже было вынесено въ университетскую церковь. Отъ гр. Толстого узналъ я всѣ подробности странной кончины Гоголя и всѣ подробности сожженія рукописей. Убитый горемъ, вошелъ я въ комнату, среди которой стояла кафельная печь, еще полная пепла отъ сгорѣвшей рукописи. Передъ аналоемъ протяжно читалъ дьячекъ псалмы, и въ ту минуту, когда я отворилъ заслонку печи, услышалъ я могильнымъ голосомъ произнесенныя слова:

„И быхъ яко челоувѣкъ не слышай и не имый во устѣхъ своихъ обличенія“. (Пс. Каф. 6 стихъ 15).

II.

Не стану описывать здѣсь похоронъ Гоголя. Много было толковъ и сужденій о послѣднихъ дняхъ его и о причинахъ, побудившихъ его сжечь трудъ всей своей жизни. Много объ этомъ было писано и напечатано. Всякій судилъ подъ влияніемъ личныхъ впечатлѣній. Самые близкіе друзья Гоголя не знали его, и въ этомъ сознались уже послѣ его смерти ¹⁾.

Актъ сожженія „Мертвыхъ Душъ“ можетъ быть только объясненъ такимъ подробнымъ анализомъ особенныхъ нравственныхъ свойствъ этого необыкновеннаго челоувѣка и такимъ подробнымъ изученіемъ самой задачи, задуманной Гоголемъ и разрѣшить которую онъ надѣялся „Мертвыми Душами“, что нѣтъ возможности сколько-нибудь убѣдительно и ясно изложить это въ краткой журнальной статьѣ.

Вскорѣ послѣ похоронъ Гоголя, всѣ находившіяся въ квартирѣ его бумаги, всѣ до послѣдняго листка, были переданы графомъ А. П. Толстымъ — С. П. Шевыреву.

Смерть Гоголя, какъ громовой ударъ, поразила нашу литературу. Всѣ газеты и журналы наполнены были статьями о Гоголѣ. Это

¹⁾ Доказательство этого см. ниже въ письмѣ покойнаго С. Т. Аксакова, стр. 955—957. Ред.

окончательно возмутило цензурное управленіе, уже прежде подозрительно относившееся къ Гоголю, считая его знаменемъ или главою либеральной партіи. Особенно влобно относился къ Гоголю, бывший въ то время попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, предсѣдательствовавшій въ главномъ управленіи цензуры.

Цензорамъ объявлено было приказаніе — строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ, и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ. И. С. Тургеневъ за коротенькую статью, напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 13-го марта, 1852 г. ¹⁾, гдѣ онъ назвалъ Гоголя великимъ писателемъ, по особому распоряженію, посаженъ былъ въ Петербургъ на сѣзжую, во вторую часть, и просидѣлъ тамъ двѣ недѣли. Наконецъ, даже имя Гоголя опасались употреблять въ печати и взаимъ его употребляли выраженія: „извѣстный писатель“.

Вотъ при какихъ условіяхъ друзья и родственники Гоголя должны были начать хлопоты объ изданіи его сочиненій и въ томъ числѣ найденныхъ отрывковъ изъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“.

Высшее петербургское общество въ то время относилось съ полнымъ равнодушіемъ къ русской литературѣ вообще, а къ уtratѣ Гоголя въ особенности.

Весьма тѣсный кружокъ людей, дѣйствующихъ творенія Гоголя, былъ совершенно безсиленъ противодѣйствовать въ высшихъ сферахъ вліанію „Сѣверной Пчелы“, подъ редакціей Булгарина. Газета эта, владея искусствомъ дѣйствовать на слабыя струны лицъ, въ то время власть имѣвшихъ, была единственною представительницею общественнаго мнѣнія въ глазахъ этихъ лицъ. Она умѣла ополчить и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ опасномъ видѣ восторженныя похвалы поклонниковъ Гоголя ²⁾. Замѣчательно, что арестъ И. С. Тургенева въ сѣзжемъ домѣ не произвелъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ никакого особаго впечатлѣнія. Мѣсто заключенія — „сѣзжей домъ“, куда сажали тогда пьяницъ, показался нѣкоторымъ лицамъ только страннымъ и знаменательнымъ, объ этомъ много шутили и смѣялись ³⁾.

¹⁾ См. далѣе, стр. 957—958.

Ред.

²⁾ До чего это доходило, видно изъ письма Ф. В. Булгарина 1852 г. по поводу смерти Гоголя; оно напечатано въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г. т. V, стр. 481—482.

Кн. Д. О.

³⁾ По поводу ареста И. С. Тургенева нельзя не привести двѣ-три подробности. Статья его о Гоголѣ должна была явиться въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но Мусинъ-Пушкинъ, ярый ненавистникъ Гоголя, зачеркнулъ всю статью, выразивъ мнѣніе, что о такомъ писателѣ преступно отнѣваться столь восторженно; какъ это сдѣлалъ г. Тургеневъ. Иванъ Сергѣевичъ по

Между тѣмъ, нельзя было надѣяться на какой-либо успѣхъ въ ходатайствѣ о разрѣшеніи изданія сочиненій покойнаго Гоголя, пока не заинтересуются въ этомъ дѣлѣ лица, имѣющія вліяніе въ высшихъ сферахъ. Задача заключалась въ томъ, какъ достигнуть этой цѣли?

Къ счастью, на помощь явился Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (извѣстный московскій артистъ). Въ концѣ 1852 года, прибывъ въ Петербургъ, для участія въ представленіяхъ Александринскаго театра, онъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ старался снять опалу съ памяти Гоголя, изыскивая случаи читать разныя его сочиненія во вліятельныхъ салонахъ.—При помощи друзей Гоголя это ему удалось исполнѣ. Щепкину не разъ посчастливилось читать Гоголя въ присутствіи покойной Великой Книгини Елены Павловны и Великаго Князя Константина Николаевича. Кромѣ искусства читать, М. С. Щепкинъ, весь пронизанный любовью и уваженіемъ къ памяти покойнаго своего друга, умѣлъ такъ трогательно рассказывать о немъ свои воспоминанія и такъ живо изображать всю несправедливость гоненія на его память, что невольно подчинялъ своему убѣжденію самыхъ равнодушныхъ слушателей.

Горючими слезами оканчивалъ обыкновенно Михаилъ Семеновичъ, свою записку и я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ благотворно дѣйствовали эти слезы.

Весной 1853 года М. С. Щепкинъ вновь пріѣзжалъ въ Петербургъ и на этотъ разъ привезъ съ собою нѣсколько рукописей покойнаго Гоголя,—въ числѣ ихъ были „Развязка Ревизора“, которую онъ читалъ въ Стрѣльнѣ у Великаго Князя Константина Николаевича.

Между тѣмъ, Шевыревъ занимался въ Москвѣ разборомъ бумагъ

сладъ статью въ Москву къ В. П. Боткину, только для того, чтобъ показать, что Петербургъ не остался равнодушенъ къ страшной потерѣ, понесенной всей Россіей съ кончиной Гоголя. Боткинъ-ли или его друзья напечатали статью Тургенева, конечно, съ разрѣшенія московской цензуры, ничего не вѣдавшей о запрещеніи ея въ Петербургѣ. Появленіе статьи возбѣсило Мусина-Пушкина. Онъ нажаловался начальству, изобразилъ Тургенева «бунтовщикомъ»—и авторъ «Записокъ Охотника» водворенъ былъ въ сѣзжею 2-й части, что на Офицерской улицѣ, близъ Большаго театра. Рассказываютъ, что Ивану Сергѣевичу довелось-бы провести время въ средѣ пьянцевъ и уличныхъ мошенниковъ, какъ вдругъ судьба послала ему ангеловъ-спасительницъ: то были двѣ дочери его тюремщика—частнаго пристава; эти двѣницы оказались почитательницами таланта г. Тургенева, приняла въ немъ большое участіе, невольно обрадовались «счастливному случаю» познакомиться съ нимъ лично и убѣдили своего родителя—вмѣсто помѣщенія г. Тургенева въ «сибирку»—дать ему пріютъ въ ихъ квартирѣ. Здѣсь Иванъ Сергѣевичъ и провелъ двѣ недѣли.

покойнаго Гоголя. Въ числѣ ихъ оказалось нѣсколько оконченныхъ главъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и нѣсколько отрывковъ изъ 2-й, а можетъ быть даже и 3-й части. Рукописи эти, очевидно, были черновыя, съ такимъ множествомъ помарковъ, что разобрать ихъ было дѣломъ весьма труднымъ. Шевыревъ, которому Гоголь успѣлъ прочесть почти весь второй томъ, могъ одинъ только, по памяти, возстановить текстъ, ближе всего подходившій къ той редакціи, которая была сожжена. При содѣйствіи племянника покойнаго Гоголя, г. Трушковскаго, трудъ этотъ былъ конченъ весною 1853 года.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ мнѣ просить Шевырева доставить ему для прочтенія посмертныя сочиненія Гоголя. Шевыревъ немедленно исполнилъ желаніе Великаго Князя и прислалъ Его Высочеству оставшіяся главы и отрывки изъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и „Авторскую Исповѣдь“.

Это были первые списки, которые вышли изъ рукъ Шевырева.

По прочтеніи этихъ рукописей, Великій Князь легко могъ убѣдиться, что въ цензурномъ отношеніи они не представляли ни малѣйшаго повода къ какому-либо преслѣдованію, а потому, высоко цѣня талантъ покойнаго Гоголя и горячо принимая къ сердцу интересы отечественной литературы, онъ рѣшился, чрезъ посредство гр. Орлова (шефа жандармовъ), ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи семейству Гоголя издать какъ старыя, такъ и посмертныя его сочиненія. Вслѣдствіе сего ходатайства, Высочайше было повелѣно разсмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя въ московской цензурѣ. Не смотря на это повелѣніе, московская цензура долго не рѣшалась высказать своего мнѣнія и, наконецъ, не желая принять на свою отвѣтственность послѣдствія своего окончательнаго рѣшенія, представила все дѣло въ петербургское главное управленіе цензуры, хотя съ робкимъ, но благопріятнымъ мнѣніемъ въ пользу изданія. Въ главномъ управленіи вліятельный голосъ попечителя с.-петербургскаго университета Мусина-Пушкина, безъ всякаго сомнѣнія, взялъ бы верхъ надъ робкой защитой другихъ членовъ, ежели бы министръ народнаго просвѣщенія — А. С. Норовъ и начальникъ штаба шефа жандармовъ, по настоятельной просьбѣ Великаго Князя, не приняли на себя труда, лично въ засѣданіи управленія, высказать свое мнѣніе въ пользу изданія сочиненій Гоголя, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, съ тѣмъ однако, чтобы заглавіе „Мертвыхъ Душъ“ было переименовано и названо „Похожденіями Чичикова“. Согласно этому мнѣнію, составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, удостоенный Высочайшаго утвержденія.

Вотъ краткій разсказъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми, въ

теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, приходилось бороться издателямъ сочиненій Гоголя.

Изданныя въ 1855 году главы 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ совершенно сходны съ тѣмъ спискомъ, который присланъ былъ Шевыревымъ Великому Князю Константину Николаевичу. По этому списку я читалъ у разныхъ лицъ въ Петербургѣ и, между прочимъ, многіе изъ петербургскихъ литераторовъ въ первый разъ услышали это новое произведеніе Гоголя при моемъ чтеніи у покойнаго Николая Алексѣевича Милютина.

Помню, что, по просьбѣ многихъ лицъ, я давалъ свои рукописи для прочтенія на дому, при чемъ легко могли быть сняты съ нее копии. Знаю также, что и Шевыревъ не стѣснялся выдавать копии съ своего списка. Такимъ образомъ, главы 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ ходили уже по рукамъ въ спискахъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ, еще прежде появленія ихъ въ печати.

Бывшій въ рукахъ г. Ястржембскаго экземпляръ, очевидно, былъ тотъ самый первоначальный списокъ, который изданъ въ 1855 г. На немъ, дѣйствительно, послѣ 2-й главы написано было карандашомъ (въ скобкахъ: Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о 12-мъ годѣ; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ея и плачь на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его для извѣщенія о помолвкѣ дочери и ѣдетъ въ одному изъ этихъ родственниковъ — полковнику Кашкарову).

Г. Ястржембскому легко было воспользоваться этой темой, чтобы позабавиться подражаніемъ Гоголю, — тѣмъ болѣе, что подробности онъ могъ узнать изъ статьи Л. И. Арнольди „Мое знакомство съ Гоголемъ“, напечатанной въ 1862 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ этой статьѣ весьма вѣрно изложено содержаніе четырехъ первыхъ главъ 2-й части, и хотя статья эта появилась въ свѣтъ только въ 1862 году, но весьма многія лица, изъ рассказовъ Шевырева, Аксаковыхъ и А. О. Смирновой, знали содержаніе многихъ главъ, совершенно для насъ утраченныхъ. Такимъ образомъ и г. Ястржембскій могъ слышать отъ Прокоповича или отъ кого-либо другаго тѣ мотивы, которые онъ воспроизвелъ въ своихъ вариантахъ.

Ежели г. Ястржембскій желаетъ продолжать свою забаву, то я могу указать ему еще нѣсколько мотивовъ изъ послѣднихъ главъ 2-й части, о которыхъ г. Арнольди не упоминаетъ, но которые я слышалъ отъ Шевырева. Напримѣръ: въ то время, когда Тентетниковъ, пробужденный отъ своей апагіи вліяніемъ Улиньки, блаженствуетъ, будучи ея

женихомъ, его арестовываютъ и отправляютъ въ Сибирь; этотъ арестъ имѣетъ связь съ тѣмъ сочиненіемъ, которое онъ готовилъ о Россіи, и съ дружбой съ недоучившимся студентомъ съ вреднымъ либеральнымъ направленіемъ. Оставляя деревню и прощаясь съ крестьянами, Тентетниковъ говоритъ имъ прощальное слово (которое, по словамъ Шевырева, было замѣчательное художественное произведеніе). Улинька слѣдуетъ за Тентетниковымъ въ Сибирь,—тамъ они вѣчаютъ и проч.

Вѣроятно, въ бумагахъ Шевырева сохранились какія-либо воспоминанія о слышанныхъ имъ главахъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что онъ намѣренъ былъ припомнить содержаніе тѣхъ главъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ, и изложить ихъ вкратцѣ на бумагѣ.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ г. Кулиша приведены варианты, уцѣлѣвшіе въ черновыхъ рукописяхъ, переданныхъ графомъ Толстымъ Шевыреву; и можно утвердительно сказать, что, кромѣ этихъ рукописей, ни у кого и никогда не могло быть строки изъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“,—ибо невозможно допустить, чтобы самъ Гоголь рѣшился выпустить изъ своихъ рукъ сокровище, надъ которымъ постоянно дрожало; опасаясь, чтобы оно не сдѣлалось извѣстнымъ прежде окончательной отдѣлки.

Слишкомъ 20 лѣтъ прошло со дня кончины Гоголя—и мы еще не имѣемъ безпристрастной и вѣрной оцѣнки твореній и личности этого великаго моралиста. А между тѣмъ, время идетъ и кружекъ людей, испытавшихъ на себѣ силу нравственнаго вліянія Гоголя и оцѣнившихъ уже послѣ его смерти всѣ непонятныя стороны характера и духовной жизни этого необыкновеннаго человѣка,—все рѣдѣетъ и рѣдѣетъ. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ излѣдованій о значеніи Гоголя должны служить укоромъ тѣмъ почитателямъ его, которые могли бы разъяснить всю ошибочность исходной точки воззрѣнія современныхъ мыслителей на значеніе писателей, подобныхъ Гоголю. Неужели суждено Гоголю, въ глазахъ грядущихъ поколѣній, занять то незавидное мѣсто, которое отводятъ ему нынѣшніе цѣнители заслугъ писателя, всецѣло преданнаго одной высоко-нравственной мысли, безъ всякаго отношенія къ измѣнчивымъ политическимъ и социальнымъ стремленіямъ современнаго общества?

Князь Д. Оболенскій.